



Айская –
Мажор. Это фиаско, братан!

«Литнет»

2026

– А.

Мажор. Это фиаско, братан! / А. – — «Литнет», 2026

Матвей привык, что девушки падают к его ногам. Настя привыкла ставить на место тех, кто зазнался. Их первая встреча — вспышка раздражения. Вторая — искра чего-то большего. Третья... может изменить всё. Богатство против принципов, высокомерие против гордости, насмешки против презрения — но что, если противостояние перерастёт в нечто большее? И кто первым скажет: «Это фиаско, братан!»? В книге присутствует: #Спор на девушку. #Любовь с первой ненависти. #Мажоры и мажорки. #Драки. #Употребление алкоголя и табачных изделий.

© – А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Клуб «Versace» задыхался от басов, запаха селективного парфюма и высокомерия. Я лениво крутил в руке бокал с «Кристаллом», лед в котором стоил дороже, чем обед в студенческой столовке, куда ходила она.

— Котовский, ты сегодня какой-то тухлый, — Стас пригубил свой виски и кивнул в сторону танцпола. — Глянь, новенькие пришли. Та, что в красном, глаз с тебя не сводит. Дать знак, чтобы подошла?

Я даже не повернул головы.



— Скучно, Стас. Очередная «кукла» с накачанными губами и мечтой о моей кредитке. Давай что-нибудь поинтереснее.

— Поинтереснее? — Марк, сидевший напротив, хитро прищурился. — А как тебе твоя новая... «сестрёнка»? Настя? Твой отец в восторге от её мамы, говорят, свадьба не за горами.

Я поморщился. Слово «сестренка» резало слух, как скрежет металла по стеклу.

— Она мне не сестра, Марк. Просто дочка женщины, с которой мой отец решил поиграть в «счастливую семью». Временное недоразумение.

— Недоразумение с очень дерзким прицелом, — заржал Марк. — Котовский, великий и ужасный Матвей, получил от ворот поворот от девчонки в кедах из масс-маркета. Это исторический момент!

Я почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Перед глазами тут же всплыл взгляд Насти — колючий, прямой, без капли того обожания, к которому я привык. Она смотрела на меня не как на принца МГИМО, а как на досадную помеху на ее пути к тренажерному залу.

— Она просто строит из себя недотрогу, — процедил я, глядя на то, как отражается свет софитов в янтаре виски. — Обычная провинциальная тактика: набить себе цену, чтобы потом подороже продаться. Думает, если будет огрызаться, я за ней побегу.

— А по-моему, ты ей просто противен, Матвей, — вбросил Марк, проверяя меня на слабо. — У девчонки есть характер. Это тебе не модели из инсты. Спорим, ты её не обломаешь? Даже за месяц.



В воздухе повисло напряжение. Друзья замерли, ожидая моей реакции. Это был вызов. Глупый, детский, но бьющий точно в моё эго.

— Месяц? — я криво усмехнулся и выставил на стол ключи от машины. — Даю две недели. Через две недели эта «колючка» будет смотреть на меня влюблёнными глазами и сама запрыгнет в мою постель.

Марк и Стас переглянулись.



— Усложним задачку, для Котовского? — Стас заговорчески подмигнул Марку и тот ехидно кивнул. — Нам будут нужны видеодоказательства, чисто для своих, как ты с ней кувыр-каешься в постели.

— Или ты боишься, что Настенька тебе не по зубам? Она ведь не из тех, кто ведётся на папины карточки. — добавил Марк.

Я протянул руку, скрепляя спор.

— Идёт, — усмехнулся, чувствуя, как внутри просыпается охотник. — Будет вам видео. Я заставлю эту провинциалку смотреть на меня так же, как все остальные.

Я припарковал свой «Порше» прямо у входа в клуб демонстративно игнорируя знак «Стоянка запрещена». Дорогу мне преградила тень.

— Красивая тачка, Котик, — раздался голос, от которого у меня внутри всё непроизвольно напряглось. — Будет жаль, если через четырнадцать дней ключи перейдут к Марку.

Я медленно обернулся на голос. Ну естественно, Элина Волкова. Очередная пиявка, которая ко мне присосалась, после не долгосрочных отношений. Мы не общались с прошлого лета, с тех пор Волкова искала любой повод, чтобы прилипнуть ко мне опять.

— Волкова. И ты здесь? Я думал, тебя отчислили за враньё, — я придал лицу выражение скучающего превосходства. — И откуда такая осведомлённость о моих делах? Подслушиваешь в туалетах «Versace»?

— Твои друзья слишком громко ржут, когда выпьют лишнего, — она подошла ближе, её глаза, холодные и расчётливые, не предвещали ничего хорошего. — Спор на Настю Макаркину? На «сводную сестрицу», когда родители не сегодня завтра узаконят отношения? Серьёзно, Матвей? Это даже для тебя низковато.

— Тебя это не касается. Иди читай учебники, может поумнеешь, Волкова.

Я попытался пройти мимо, но Волкова похлопала меня по плечу — этот жест взбесил меня ещё больше.

— Знаешь, в чём твоя проблема? Ты думаешь, что мир — это магазин, где на всём висит ценник. Но Настя... она другая. Она не просто не купится на твои дешёвые трюки, она размажет твою репутацию, когда узнает правду.

— И кто же ей расскажет? Ты, краля универа, у которой в голове силикон, вместо мозгов? — я прищурился.

— Зачем так грубо? — Волкова хищно улыбнулась. — Я просто буду рядом. Возможно притворюсь той самой «хорошей подругой», которая утешит её, когда ты облажаешься. А когда придёт время... я подарю ей правду о твоём маленьком пари, если ты сам всё не испортишь. Как думаешь, насколько сильно она захочет сломать тебе нос, когда поймёт, что была для тебя просто ставкой в пьяном споре?

Глава 1

Настя.

В воздухе нашей маленькой кухни витал запах маминых любимых духов и моей безнадёги. Повсюду стояли полупустые коробки, обмотанные скотчем — немые свидетели того, что наша прошлая жизнь официально упакована и готова к отправке в утиль.

— Настя, ну посмотри на это с другой стороны! — мама восторженно собирала вещи. — Борис Игоревич — хороший человек. Он помог тебе поступить в лучший вуз. Он... он не такой, как твой отец, Настя. Он надёжный. У него стабильность, Настя. У него уважение.

Я с силой затянула узел на мешке со своими вещами, едва не порвав пластик.

— «Уважение» — это просто другое слово для «у него больше денег», мам, — резко обернулась. — Сначала они «золотые», а потом пропивают последнюю заначку или начинают диктовать, как тебе дышать. Папа тоже клялся, что мы будем жить как короли, помнишь? А в итоге я в двенадцать лет училась прятать хлеб, чтобы он его не обменял на бутылку. Ты выгребала его долги! — я налила себе стакан холодной воды из под крана и залпом опустошила. — Все мужики одинаковые. Просто у одного перегар, а у другого — дорогой одеколон.

— Хватит! — мама всплеснула руками. — И, пожалуйста... я очень тебя прошу. Завяжи-вай с этим своим боксом. Это некрасиво, Настя. Синяки на костяшках, вечно разбитые губы. — мама обхватила моё побитое лицо. — Бокс — это не женственно. В Москве ты начнешь новую жизнь. Никаких подвальных залов и драк. Ты пойдешь в престижный вуз, там другие люди, другие правила. Борис сказал, что его сын, Матвей, поможет тебе освоиться...

Я почувствовала, как внутри всё сжалось от ярости. Женственность? Жизнь в золотой клетке под присмотром маминого «благодетеля» и его пафосного сынка Матвея, о котором мама прожужжала мне все уши? Видела его лишь на фото — холеный, самоуверенный, с таким выражением лица, будто он лично изобрел кислород. Типичный мажор, который ни разу в жизни не держал в руках ничего тяжелее пачки купюр.

— Моя «женственность» закончилась там, где мне пришлось впервые ударить соседа, чтобы он перестал ломиться к нам в дверь, — отрезала я, хватая спортивную сумку. — Я на тренировку.



— Настя! Не задерживайся! Нам еще чемоданы дособирать надо! Завтра в семь утра самолёт. — крикнула она вслед, но я уже вылетела в подъезд, хлопая дверью.

Зал «Ударник» встретил меня привычным запахом старой кожи, пота и магнезии. Это было единственное место, где я чувствовала себя настоящей. Где я не была «дочкой алкого-

лика» или «бедной родственницей богатого отчима». Здесь я была просто Макаркина. У которой есть удар. Но сегодня даже мешок казался мне врагом.

Раз-два, уклон. Раз-два...

Я работала по груше, но удары выходили смазанными. Перед глазами стояло лицо Бориса с его покровительственной улыбкой и фотографии его сына — Матвея Котовского. Холёный мажор в дизайнерском пиджачке, который смотрит на мир так, будто он его купил на карманные деньги. Ненавижу. Ненавижу пафос, не настоящие улыбки и парней, которые думают, что их фамилия дает им право на всё.

— Макаркина, ты сегодня мешок гладишь или тренируешься? — хриплый голос Степаныча разрезал тишину зала.

Тренер, мужчина в годах с перебитым носом и глазами, видящими слишком много, подошел ко мне, вытирая руки полотенцем.

— Не получается, Степаныч, — я сорвала перчатки, чувствуя, как горят щеки. — Завтра переезд. В Москву. Мама хочет, чтобы я стала «леди». А я... я просто хочу на чемпионат мира.

Степаныч долго молчал, глядя на мои дрожащие руки.

— Москва — это город возможностей, Настя. И не только для тех, кто ездит на крутых тачках. Если ты думаешь, что там только мажоры в костюмах, ты ошибаешься.

Он залез в карман своих потертых штанов и вытащил клочок бумаги, на котором корявым почерком был написан адрес и имя.

— В Москве есть клуб «Black Box». Закрытое место, не для тех, кто хочет пофоткаться в перчатках. Его держит мой старый знакомый — Виктор Стахов.

Я замерла, едва дыша.

— Стахов? Тот самый... «Танк» Стахов? Бывший чемпион мира в полутяжелом весе?

— Он самый, — тренер усмехнулся. — Я ему позвонил. Сказал, что к нему едет девчонка с ударом тяжеловеса и характером цепного пса. Если не забросишь тренировки, если выдержишь его школу — через год будешь на отборочных. Это твой шанс, Настя. Используй Москву, а не дай ей использовать тебя.

На моём лице засветилась улыбка и впервые за неделю страх перед переездом изменился жгучим, азартным предвкушением.

— И помни, ты — кремь, Макаркина. У тебя есть то, чего нет у этих «золотых деток» — злость и мечта. — Степаныч по-отцовски меня обнял, а после подмигнув, начал подталкивать меня к выходу. — Покажи этой Москве, как бьют девчонки из провинции.

На следующей день самолёт нас доставил в Москву. Мама прилипла к окну автомобиля еще на въезде в поселок. Её пальцы, судорожно сжимающие сумочку, подрагивали. Я же чувствовала только нарастающую тошноту. Чем дороже становились дома за окном, тем сильнее мне хотелось выпрыгнуть из машины и бежать пешком обратно, в наш пропахший сыростью и честностью подъезд. Белоснежный внедорожник Бориса плавно затормозил у ворот, которые больше напоминали въезд в секретный бункер, чем в жилой дом. Новый пока ещё гражданский муж мамы, уже ждал нас на крыльце — сияющий, в безупречном кашемировом джемпере.

— Приехали, — вздохнула мама, поправляя волосы. Её глаза сияли так, будто она наконец-то попала в рай, а не в логово к чужим людям.

Пока водитель доставал остальные наши вещи, я сама вытащила из багажника свой старый, местами потертый баул с боксерской экипировкой и рюкзак. Борис Игоревич стоял рядом с парнем, которого я сразу узнала по фото. Матвей. Он прислонился к колонне, скрестив руки на груди, и лениво листал что-то в телефоне. На нем была футболка, которая, спорю на что угодно, стоила больше, чем весь наш гардероб вместе взятый.

— А вот и наши дамы! — Борис просиял, обнимая маму. — Матвей, отлипни уже от своего телефона, познакомься, это Настя.

Матвей медленно поднял голову. Его взгляд, холодный и оценивающий, прошелся по мне, как сканер на таможне.



— О, — протянул он, и голос его был похож на шелк, в который завернули лезвие. — Так вот она какая, наша новая... родственница.

— Матвей, помоги Насте с вещами. — быстро вставил Борис, чувствуя повисшее в воздухе напряжение.

Мой «сводный» братец лениво перевел взгляд на мой облезлый баул. Он задержался на моем рюкзаке с эмблемой «Ударника», из которого торчал край пожелтевшего от времени бинта.

— Боюсь, я не обучен таскать мешки с картошкой, отец, — бросил он, не сводя с меня глаз. — Пап, ты уверен, что это вещи? — усмехнулся, и в этом звуке было столько яда, что хватило бы на целую стаю кобр. — Я думал, это гуманитарная помощь, которую забыли выкинуть по дороге.

Он подошел ближе, брезгливо кончиком пальца задел замок моей спортивной сумки:

— Серьезно? Этот хлам будет стоять в нашем доме? От него пахнет... как бы это помягче... старым спортзалом и безнадегой. Настя, да? Слушай, у нас за углом есть мусорные контейнеры, они очень технологичные, сами прессуют мусор. Могу показать дорогу, тебе там будет привычнее.

Мама нервно охнула, а Борис нахмурился, собираясь что-то сказать. Но я не дала ему шанса. Я сделала шаг вперед, входя в личное пространство Матвея. Он был выше, намного выше, но на ринге меня учили не бояться габаритов. Я почувствовала запах его дорогого парфюма — цитрус и что-то древесное. Запах денег.

— Послушай меня, «золотой мальчик», — я произнесла это тихо, но так отчетливо, что Матвей перестал улыбаться. — В этом «хламе» лежат вещи, которые стоят больше, чем вся твоя жизнь. Потому что они заработаны потом и кровью, а не выпрошены у папочки на завтрак.



Я резко вырвала сумку из-под его руки, и он непроизвольно отшатнулся.

— Не утруждайся, «братец», — я отступила сделав шаг назад, глядя на него снизу вверх, но так, будто он был пустым местом. — Я сама справлюсь. У меня руки не из золота, в отличие от некоторых. Не сломаются.

Матвей прищурился. В его глазах на мгновение вспыхнул опасный огонек — азарт хищника, который увидел добычу, решившую огрызнуться.

— Характер? В этом доме характер — вещь лишняя, Настя. Здесь ценятся послушание и... чистоту. Постарайся ничего не испачкать своими ботинками. Они выглядят так, будто в них прошли через все помойки страны.

— Матвей! — злобно сквозь зубы, прикрикнул Борис.

— Если тебе не нравится запах моего зала, — я смирила этого «мажорного» убийственным взглядом с ног до головы, не обращай внимания на маму и Бориса. — то привыкай дышать через рот. — мои пальцы уже сжались в кулак, ещё чуть-чуть и я бы ему всекла. — И если ты еще раз коснешься моих вещей своими холеными пальчиками, я научу тебя, как правильно накладывать гипс. Поверь, в этом я эксперт.

Матвей замер. В его глазах отразилось искреннее изумление, смешанное с яростью. Никто и никогда видимо не разговаривал с ним в таком тоне в его собственном доме.

— Ты... — он начал было, но я уже закинула сумку на плечо.

— Борис Игоревич, где моя комната? — я повернулась к будущему отчиму, игнорируя его сына, как надоедливое насекомое. — Хочу поскорее убрать свой «хлам» с глаз долой этого нежного цветочка, а то он еще в обморок упадет от запаха реальности.

— Настя, проходи, — Борис Игоревич улыбнулся мне, но его недовольный взгляд быстро скользнул в сторону Матвея. — Твоя комната на втором этаже, окна выходят в сад. Надеюсь, тебе понравится.

«Добро пожаловать в ад, Настя, — подумала, проходя внутрь дома. Я буквально кожей чувствовала его взгляд, прожигающий мою спину, — И этот ад носит фамилию Котовский».

Глава 2

Настя...

Я проснулась не от будильника, а от пугающей, стерильной тишины роскошного особняка. В моем родном городе утро всегда начиналось с криков соседей, грохота мусоровоза или маминного бодрого: «Настя, каша на столе!». Здесь же воздух казался застывшим, как в музее.

Я бросила взгляд на часы и похолодела. 08:20.

— Блин! — вылетело из моего рта.

Первая лекция в «Золотом вузе» начиналась в девять. Борис вчера четко сказал: «Матвей отвезет тебя, вам всё равно по пути».

— Вот же ты гад, Котовский!

Я подскочила, за пять минут влезла в черные джинсы и худи — мой неизменный «бронжилет» против этого пафосного мира. Быстро перетянула волосы в тугий хвост, схватила рюкзак и вылетела из комнаты. Костяшки пальцев всё еще ныли после вчерашнего, но это была приятная боль, напоминавшая, кто я такая на самом деле.

Спустившись на первый этаж, я застала идиллическую картину. Матвей сидел в залитой солнцем столовой, неспешно потягивая кофе. Перед ним лежала тарелка с какими-то затейливыми тостами и авокадо. Он выглядел так, будто у него впереди вечность, а не учебный день.

— О, спящая красавица соизволила спуститься, — он даже не поднял головы от экрана своего телефона. — Правда, «красавица» — это сильное преувеличение. Скорее, «спящий гопник».

— Ты почему меня не разбудил? — я подошла к столу, едва сдерживаясь, чтобы не перевернуть его завтрак. — твой отец сказал, что мы выезжаем в восемь.

Матвей лениво перевел на меня взгляд. В его глазах плясали бесячие смешинки.

— Ой, прости. Моя память работает избирательно: я запоминаю только важные вещи. Твое существование в этот список пока не входит. Я подумал, что ты решила прогулять первый день, чтобы подольше пообниматься со своим баулом. Знаешь, у нас в универе не любят опоздавших. Особенно тех, кто выглядит так, будто только что сбежал с разборок за гаражами.

— Где Борис и мама? — я проигнорировала его выпад.

— Куда-то уехали в семь утра. Так что ты во власти моей «забывчивости». — Он картинно посмотрел на свои часы — разумеется, «Ролекс», что же еще. — Упс. Половина девятого. Навигатор говорит, что ехать сорок минут. Кажется, кто-то сегодня получит первый прогул в личном деле. А папа так надеялся на твою дисциплину...

Он хотел увидеть мою слабость, мою зависимость от его милости.

Но он плохо меня знал.

Я медленно выдохнула, подавляя желание применить на практике «двоечку» в его идеальную челюсть. Вместо этого я криво усмехнулась.

— Знаешь, Котовский, в моем мире если ты опаздываешь на автобус, ты бежишь за ним. А если автобуса нет — ты находишь другой путь.

Я достала телефон и быстро набрала номер, который сохранила вчера перед сном.

— Алло, такси? Мне машину к воротам поселка «Золотые пруды». Срочно. Двойной тариф за скорость. Да, через пять минут буду у шлагбаума.

Я повернулась к Матвею, который застыл с чашкой в руке. Его идеальный план «унижения опозданием» трещал по швам.

— Ты серьезно? — он фыркнул. — Таксисты из города сюда едут по сорок минут. Ты не успеешь.

— Посмотрим, — я закинула рюкзак на плечо. — И еще кое-что. Вчера ты сказал, что твои вещи пахнут успехом, а мои — залом. Так вот, от тебя пахнет трусостью, Матвей. Ты так

боишься, что какая-то девчонка из провинции окажется круче тебя, что пытаешься подставить её в первый же день. Жалкое зрелище.

Я развернулась и пошла к выходу, чеканя шаг.

— Эй! Макаркина! — крикнул он мне вслед, и в его голосе впервые прорезались нотки раздражения вместо привычного высокомерия. — Ты хоть знаешь, где находится корпус? Тебя охрана на порог не пустит в этих обносках!

Я не обернулась. А уже бежала по гравийной дорожке к воротам, чувствуя, как в крови закипает адреналин.

У массивных кованых ворот, нервно постукивала кедом по гравию. Приложение такси издевательски мигало надписью: «Поиск машины... Время ожидания увеличено». В этом элитном гетто для сверхбогатых обычные водители, видимо, боялись даже дышать в сторону заборов, не то что заезжать за шлагбаум. 08:42.

— Да ты издеваешься что ли! — выплеснула такая на экран телефона. — Работай давай!

До начала лекции восемнадцать минут. Если я опоздаю в первый же день, Борис разочарованно вздохнет, мама расплачется, а этот индюк Матвей будет сиять, как начищенный таз.

Сзади раздался приглушенный рык мощного мотора. Я не оборачивалась, кожей чувствуя, как ко мне приближается пафос на четырех колесах. Ослепительно черный спортивный «Порше» плавно притормозил рядом. Стекло медленно опустилось, являя миру самодовольную физиономию Котовского.

— Ну что, как там твой «двойной тариф»? — он вальяжно откинулся на кожаное сиденье, не снимая солнечных очков. — Судя по твоему лицу, таксист решил, что его карма не вынесет поездки в этот район.

Я стиснула зубы так, что челюсть заныла.

— Обойдусь. Пешком дойду до трассы.

— Семь километров? В этих кроссовках? — он коротко хохотнул. — Ты придешь аккуратно к обеду. Профессор Громов обожает таких амбициозных туристок. Сразу ставит «неуд» в карму.

Он чуть прибавил газу, заставляя машину дернуться вперед, будто собирался уехать.

— Ладно! — выкрикнула я, ненавидя себя в этот момент. — Сколько?

— Что «сколько»? — он притворно удивился, поправляя зеркало заднего вида.

— Сколько ты хочешь за то, чтобы довезти меня? Денег у меня нет, а твою машину я мыть не буду — побрезгую прикасаться к чужому пафосу.

Матвей заглушил мотор. Наступила тишина, в которой я слышала только собственное бешеное сердцебиение. Он снял очки и посмотрел на меня — серьезно, без тени привычной усмешки.

— Деньги мне не нужны, Настя. У меня их столько, что я могу купить твой «Ударник» вместе с потрохами и сделать там склад для старых шин.

Я сжала кулаки.

— Тогда что?

— Сделка, — он постучал пальцами по рулю. — Я довезу тебя вовремя. Прямо к главному входу, чтобы все видели, с кем ты приехала. А взамен... ты всю эту неделю будешь делать то, что я скажу. Никаких огрызаний при моих друзьях. Ты будешь играть роль приличной, тихой «сестренки», которая знает свое место.

— Ты хочешь сделать из меня свою тень? — я горько усмехнулась. — Чтобы я молча кивала, пока ты и твои мажоры-дружки будут обливать меня грязью?

— Я хочу, чтобы ты не портила мне репутацию своим присутствием, — отрезал он. — Либо ты садишься и на неделю становишься «нормальной», либо стой здесь и жди свое мифическое такси. Пять секунд, Макаркина. Пять... четыре...

Я посмотрела на телефон. 08:45.

Это был проигрыш. Первый раунд остался за ним, и он это знал. Но если я не попаду в университет, я не смогу найти «Black Vox». Я не смогу вырваться из этого золотого ада.

Я рывком открыла тяжелую дверь и буквально рухнула на пассажирское сиденье, которое пахло новой кожей и высокомерием.

— Поехали, — выплюнула я, стараясь не смотреть в его сторону. — Но учти, Котовский: неделя закончится. И когда это случится, молчать на твой пафос я не собираюсь.

Матвей лишь криво усмехнулся и нажал на газ. Машина сорвалась с места, вжимая меня в кресло.

— Пристегнись, «сестренка», — бросил он, лихо закладывая поворот. — Добро пожаловать в высшую лигу. Постарайся, чтобы тебя не стошнило от скорости.

Мы летели по шоссе, и я видела, как он то и дело бросает на меня быстрые, приторные взгляды.

Глава 3

Настя...

Черный «Порше» влетел на территорию университета так, будто правила дорожного движения были написаны для простых смертных, но не для Матвея Котовского. Охранники у шлагбаума лишь подобострастно кивнули, даже не взглянув на пропуска.

Машина затормозила с резким визгом шин прямо перед парадной лестницей главного корпуса. Здесь, на широкой площади, вымощенной гранитом, уже собралась «элита» — стайка парней и девушек, которые выглядели так, будто сошли с обложки журнала о жизни миллиардеров.

— Приехали, — Матвей заглушил мотор и небрежно бросил ключи на панель. — Помни о нашем уговоре. Ты — тихая мышка. Улыбайся и молчи.

Я почувствовала, как ладони вспотели. В «Ударнике» я выходила на ринг против парней, которые были вдвое больше меня, и мне не было так страшно. Там всё было честно: удар — блок, боль — победа. Здесь же оружием были шепот, взгляды и социальный статус.

— Я не умею улыбаться по команде, Котовский, — процедила я, хватаясь за ручку двери. — Но я постараюсь не испортить твой идеальный фасад. Пока что.

Матвей вышел первым. Его появление вызвало мгновенную реакцию: разговоры стихли, головы повернулись в его сторону. Он обошел машину и, к моему ужасу, открыл дверь с моей стороны. Это не было жестом джентльмена — это была демонстрация собственности.

Я вышла.

В этот момент время будто замедлилось. Десятки глаз впились в меня. Мои старые черные джинсы, растянутое худи и потрёпанный рюкзак на фоне сверкающего «Порше» выглядели как системная ошибка.

— Ого, Матвей! — выкрикнул высокий блондин в дизайнерском поло, отделяясь от толпы. — Ты что, начал подрабатывать в социальной службе? Или это новая акция «Подвези сиротку»?

— Здравова, Стас, — ответил Котовский, не обращая внимания на его колкость.

Вокруг раздался издевательский смех. Девушки в туфлях на шпильках прикрывали рты ладонями, оглядывая меня с головы до ног с нескрываемой брезгливостью.

— Знакомьтесь, — голос Матвея звучал ровно и властно. Он положил руку мне на плечо, и я едва сдержалась, чтобы не провести захват и не впечатать его лицом в капот. — Это Настя. Дочь новой... избранницы моего отца. Теперь она будет учиться с нами.

— Она что, реально в этом пришла? — прошипела одна из девиц с ярко-красными губами, поправляя идеальную укладку. — Тут же дресс-код, а не кастинг на роль беспризорницы.

— Волкова, главное ты у нас блестишь как звезда, — коротко кинул «братец», в сторону девицы.

Я чувствовала, как внутри закипает лава. Костяшки пальцев в карманах худи сжались до белизны.

«Тихая мышка. Улыбайся и молчи», — билось в голове предупреждение Матвея.

Матвей наклонился к моему уху, так близко, что я почувствовала жар его дыхания.

— Терпи, Настя. Это только первый раунд. Если сорвешься сейчас — проиграешь всё.

Он приобнял меня за плечи, ведя сквозь расступающуюся толпу. Шепотки летели в спину, как отравленные стрелы:

«Откуда она?», «Видела её кроссовки?», «Бедный Матвей, теперь ему придется таскать это за собой».

Я шла с высоко поднятой головой, глядя прямо перед собой. Они думали, что их слова ранят меня. Они не знали, что после десяти раундов спарринга и жизни с отцом-алкоголиком их ядовитые комментарии — это просто шум ветра.

Но когда мы поравнялись с тем самым блондином, он нарочно выставил ногу, пытаясь поставить мне подножку.

Рефлекс сработал быстрее, чем я успела подумать о сделке. Я не упала. Я просто перешагнула, слегка задев его голень своим тяжелым кедем — ровно настолько, чтобы он поморщился от боли, но никто ничего не заметил.

— Осторожнее, — бросила я, мельком взглянув на него. — У тебя такие дорогие туфли, жалко будет, если я их случайно испорчу.

Матвей сильнее сжал мое плечо, ускоряя шаг. Мы вошли в прохладный холл университета, и только там он отпустил меня, резко развернув к себе.

— Ты что творишь? — прошипел он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь. — Я сказал: не отсвечивать!

— Я просто забочусь о его обуви, — я дерзко вскинула подбородок. — Неделя только началась, Котовский. Надеюсь, у тебя крепкие нервы.

Аудитория номер 402 напоминала амфитеатр. Сверкающие лакированные столы, мягкие кресла и огромная интерактивная доска. Матвей, окруженный своей свитой, занял места в третьем ряду — «золотой середине», откуда было удобно и слушать, и демонстрировать себя.

— Твое место там, — он небрежно указал на самый верхний ряд, прозванный студентами «галеркой». — Сиди тихо и старайся не дышать слишком громко. Профессор Громов не любит посторонних шумов. Особенно тех, что доносятся с окраин цивилизации.

Я молча поднялась по ступеням. На самом верху было пыльно и одиноко, но отсюда открывался отличный обзор на затылок Матвея. Я достала из рюкзака тетрадь и ручку — единственное мое оружие в этих стенах.

Двери распахнулись, и в аудиторию вошел мужчина, чей вид заставил даже самых развязных мажоров выпрямить спины. Профессор Громов. Сухой, подтянутый, с холодными серыми глазами и голосом, напоминающим скрип несмазанных петель.

Он не стал представляться. Просто открыл ноутбук, и на экране вспыхнула сложнейшая схема рыночных деривативов и формул дисконтирования.

— Итак, господа «будущие лидеры экономики», — Громов обвел зал взглядом. — Сегодня мы начнем с того, на чем многие из вас погорят на первой же практике. Анализ рисков при волатильности кривой доходности.

Он замолчал, и его взгляд внезапно остановился на мне. Я чувствовала, как по залу пробежал смех. На фоне холеных студентов в рубашках мой черный капюшон выглядел как бельмо на глазу.

— Вижу новое лицо, — Громов чуть прищурился. — Анастасия Макаркина, если не ошибаюсь? Перевод из регионального вуза. Скажите, Анастасия, в вашем... учебном заведении учили чему-то, кроме основ бухгалтерии сельпо?

Матвей едва заметно обернулся, на его губах играла предвкушающая усмешка.

— Выходите к доске, — отрезал профессор. — Покажите нам расчет приведенной стоимости для этого кейса. Если, конечно, вы знаете, что такое PV.

Я встала. Гул в аудитории усилился.

«Она сейчас упадет», «Спорим, она не знает, с какой стороны маркер держать?».

Я спускалась по лестнице, чувствуя на себе сотни оценивающих взглядов. Когда я подошла к доске, Громов протянул мне стилус, как шпагу для дуэли.

— Кейс номер пять, — сказал он. — У вас три минуты, чтобы найти ошибку в расчетах доходности к погашению.

Я посмотрела на экран. Формулы рябили, но цифры — это те же удары. В них есть своя логика, свой ритм. Я вспомнила, как ночами в нашей крошечной квартире зубрила учебники, пока отец спал в соседней комнате. Это был мой единственный билет оттуда, и я не собиралась его выбрасывать.

Я быстро набросала основную формулу:

Громов хмыкнул, но промолчал.

— Ошибка не в формуле, — голос мой прозвучал на удивление твердо. — Ошибка в допущении. Вы не учли инфляционную премию за третий квартал. Если мы скорректируем ставку i на реальный показатель, доходность падает на 1.5%, что делает весь проект убыточным.

Зачеркнула одну цифру и вписала другую. В аудитории воцарилась гробовая тишина.

Громов подошел ближе к доске, поправил очки и долго всматривался в мои каракули. Матвей перестал улыбаться. Его друзья переглядывались в недоумении.

— Садитесь, Анастасия, — наконец сказал профессор, и в его голосе впервые не было льда. Скорее... озадаченность. — Ваше «сельпо», видимо, использует продвинутые методики. Господин Котовский, а теперь вы выйдете и объясните нам, почему вы пропустили эту «незначительную» деталь, когда готовили этот же кейс на прошлом семинаре.

Я возвращалась на свою галерку, чувствуя, как по спине пробегает холодок триумфа. Проходя мимо Матвея, я не удержалась и на секунду задержалась.

— Кажется, у твоего «золотого стандарта» небольшая погрешность, — шепнула я так, чтобы слышал только он. — Удачи у доски, отличник.

Матвей сжал кулаки, и я увидела, как на его шее вздулась вена. Он явно не ожидал, что «девочка из провинции» умеет не только огрызаться, но и думать.

Глава 4

Настя...

После лекции я зашла в уборную, чтобы просто умыться ледяной водой и смыть с себя это липкое чувство чужого превосходства. Зеркала здесь были в золотых рамах, а воздух пах дорогим селективным парфюмом, от которого першило в горле.

Я только успела вытереть руки бумажным полотенцем, как дверь за спиной захлопнулась. Щелчок замка прозвучал в тишине как взвод курка.

Их было трое. Элина — та самая тонкобровая блондинка, которая на парковке морщила нос при виде моих кед, и две её «тени» в идентичных шелковых блузках. Они встали полукругом, отсекая меня от выхода.

— Знаешь, Настенька, — Элина медленно подошла к раковине, не сводя с меня глаз через зеркало. — У нас в университете есть своя экосистема. И в ней нет места сорнякам, которые пытаются цвести ярче роз. Ты сегодня слишком громко выступала у Громова.

— Это библиотека? Нет. Это туалет. Здесь тоже нельзя громко выступать? — я спокойно развернулась к ним, прислонившись спиной к раковине.

— Здесь мы объясняем правила тем, кто плохо слышит, — Элина сделала шаг вперед. Её лицо исказилось от брезгливости. — Ты думаешь, если отец Матвея притащил твою мамашу в свой дом, ты стала одной из нас? Ты — дворняжка. И если ты еще раз решишь выпендриться перед Матвеем, я сделаю так, что твоё лицо перестанет быть... симметричным.

Она протянула руку, явно намереваясь либо схватить меня за волосы, либо плеснуть водой, которая всё еще бежала из крана.

В «Ударнике» меня учили одному золотому правилу: никогда не жди удара, если видишь замах.

Мой мозг мгновенно переключился в режим анализа боя. Дистанция — метр. Центр тяжести противника смещен на правую ногу. Агрессия — 90%. Техника — нулевая.

Когда её ладонь была в десяти сантиметрах от моего лица, я просто сместилась на полшага в сторону. Инерция Элины сделала всё за меня. Я перехватила её запястье — не больно, но так крепко, что она вскрикнула от неожиданности, — и заломила руку за спину, припечатывая её лицом к зеркалу.

— Эй! Отпусти её! — взвизгнула одна из «теней», пытаясь броситься на помощь.

Я даже не обернулась. Просто чуть сильнее надавила на локоть Элины, заставляя её охнуть.

— Стоять, — мой голос прозвучал так тихо и страшно, что девчонки замерли на месте. — Давайте договоримся сразу. Я не пришла сюда заводить друзей. Но я и не жертва для вашего скучного буллинга.

Я наклонилась к самому уху Элины. Она дрожала, и я видела, как её идеальный макияж начинает плыть от выступивших слез страха.

— В моем районе, если кто-то зажимает человека в углу, он должен быть готов к тому, что у него выбьют зубы. Я занимаюсь боксом три года. Хочешь проверить, какова сила моего удара, если масса моего кулака, умножится на ускорение, которое я придам твоей челюсти?

Я прошептала формулу прямо ей в затылок.

— Я... я всё поняла... — пролепетала она, пытаясь вырваться.

Я отпустила её так же резко, как и схватила. Элина отшатнулась, судорожно потирая запястье. Её подруги попятились к двери, в ужасе глядя на меня, будто у меня только что выросли клыки.

— Правило номер один, — я подобрала свой рюкзак. — Не трогайте меня, и я не трону вас. Правило номер два: если еще раз закроете за мной дверь на замок — я выбью её вместе с вами.

Я подошла к выходу. Девушки буквально вжались в стену, пропуская меня.

— И передайте Матвею, — я обернулась в дверях, — что его «группа поддержки» нуждается в тренировках. Слишком много пафоса и слишком слабые связки. И ещё, — я чуть приостановилась. — можешь смело забрать его себе!

Я шла по коридору после столовой, чувствуя, как напряжение стягивает плечи тугой пружиной. В голове ещё звучали слова Элины, её ядовитый голос, но теперь к этому примешивалось что-то новое — настороженное любопытство окружающих.

Вдруг впереди образовался затор. Толпа студентов сбилась в плотную группу, перегордив проход. Из центра доносился голос Элины — дрожащий, но нарочито громкий, рассчитанный на публику. Она держалась за щеку, будто я действительно ударила её по лицу, и театрально всхлипывала:

— ...просто набросилась! Без предупреждения! Я всего лишь хотела с ней подружиться, а она... она меня ударила — вот, посмотрите, у меня до сих пор щека болит! Потом заломила руку и прижала к зеркалу! Угрожала, что изуродует!

Она демонстративно приподняла руку, показывая едва заметный красный след на запястье, и снова схватилась за щеку. Две её «тени» тут же закивали, поддакивая:

— Да, мы всё видели!

— Она такая агрессивная!

— И ещё эта жуткая формула... будто не человек, а робот с кулаками!

Кто-то из толпы обернулся и заметил меня. Разговор стих, все головы повернулись в мою сторону. Элина замерла на полуслове, но тут же взяла себя в руки и сделала шаг вперёд, выставив подбородок:

— Вот она! — ткнула она пальцем. — Та самая, кто напал на меня в туалете!

Я остановилась в нескольких шагах от неё. Толпа инстинктивно расступилась, образуя небольшой круг.

— Напала? Ты ничего не попутала? — повторила я, медленно выделяя каждое слово. — Ты назвала меня дворняжкой, угрожала изуродовать лицо и первая полезла в драку. А теперь рассказываешь, что я на тебя напала?

Мой голос звучал ровно, почти лениво, но в нём чувствовалась та самая холодная уверенность, которая ещё недавно заставила Элину дрожать.

В этот момент из-за спины Элины выступил Денис — один из приятелей Матвея, парень с лицом породистого щенка и душой гиены. Он сделал шаг вперёд, нарочито медленно, и бросил с издевательской усмешкой:



— А что, дворняжкам разве не положено знать своё место? Может, твоя мамаша не успела тебя этому научить, пока горизонтально прислуживала для бати Матвея? — Денис заржал, подходя к нам. Его взгляд, липкий и грязный, прошелся по моей внешности.

Мир вокруг меня на мгновение замер. Звук голосов превратился в низкочастотный гул.

В «Ударнике» говорили: если в твоей голове наступает тишина перед ударом — значит, ты готов убивать.

— Что ты сказал про мою маму? — мой голос прозвучал низко и глухо, почти неузнаваемо.

Денис, явно воодушевлённый реакцией, расплылся в ещё более широкой ухмылке:

— Я сказал то, что все и так знают. Твоя мама — прислуга. А ты — её щенок, который возомнил себя породистой собакой. Слушай, Насть, — он наклонился к моему лицу, — Мне как раз нужна такая... «дикая» девка. Будешь убираться в моей квартире. Могу платить натурой.

Я почувствовала, как в висках застучала кровь. Толпа затаила дыхание. Кто-то нервно переступил с ноги на ногу. Элина победно улыбнулась, явно довольная тем, как разворачиваются события.

А я больше не могла сдерживаться. Шагнула вперёд и с силой толкнула Дениса в грудь — так, что он отлетел на пару шагов и едва не врезался в стену.

— Ещё одно слово про мою маму, — прошипела я, наступая на него.

Денис побледнел, но быстро взял себя в руки. Он выпрямился, сжал кулаки и сделал шаг ко мне:

— Да ты...

Если я ударю его костяшками двух пальцев точно в гортань, давление будет достаточным, чтобы он забыл, как дышать, на ближайшие десять минут.

— Денис, — мой голос был настолько громкий, что он разлетелся по коридору. — У тебя очень дорогой винир на передних зубах. Будет жаль, если его придется выковыривать из твоей глотки.

— Что ты сказала, шлю...

Он не успел закончить. Моя рука взметнулась вверх быстрее, чем он успел моргнуть. Я не ударила его — еще нет. Я просто схватила его за край футболки и рванула на себя, одновременно подсекая его ногу.

Парень рухнул на колени прямо у моих ног, а его голова оказалась зажата моим локтем в классическом «гильотинном» захвате.

— Слушай меня внимательно, мусор, — прошипела я ему в ухо. — Еще одно слово о моей матери, и я гарантирую тебе, что следующую неделю ты будешь питаться через трубочку. Мне плевать на исключение. В моем районе таких, как ты, пускают на запчасти еще до заката. Понял меня?

Я разжала руки, и Денис мешком повалился на пол, судорожно хватая ртом воздух.

Чувствуя, как костяшки пальцев вибрируют от переизбытка адреналина, я выпрямилась. Денис остался на полу, судорожно глотая воздух, его холеная кожа приобрела землистый оттенок, а в глазах застыл животный, неосознанный ужас. Вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как в конце коридора мерно тикают настенные часы.

Толпа, только что жаждавшая «грязного белья», теперь инстинктивно вжалась в стены. Для них я перестала быть просто «новенькой из трущоб». Теперь я была аномалией, стихийным бедствием, которое невозможно просчитать.

— Что здесь за консилиум? — голос разрезал тишину, как скальпель.

Матвей шел по коридору, не глядя на расступающихся студентов. Его походка была обманчиво ленивой, но в каждом движении чувствовалась та самая «породистая» мощь, о которой бредил Денис. Он остановился в центре круга, засунув руки в карманы брюк, и его взгляд мгновенно просканировал сцену: всхлипывающая Элина, багровый Денис на коленях и я — сжатая, как стальная пружина перед выстрелом.

— Матвей! — взвизгнула Элина, бросаясь к нему и хватая за рукав. — Она... она напала на Дениса! Она сумасшедшая! Она чуть не придушила его! Ты видел? Ты слышал, что она

несла?! Её нужно немедленно сдать охране! А ещё она меня ударила, — Элина театрально пустила слезу, прижимая руку к щеке. — обещала мне лицо изуродовать.

Он медленно перевел взгляд на Дениса, который уже поднялся, пошатываясь и судорожно поправляя галстук. Его лицо перекосило от унижения.

— Дэн? — Матвей приподнял бровь, смеясь. — Ты позволил девчонке поставить себя на колени в главном холле?

— Она... она ударила первой! — прохрипел Денис, избегая взгляда друга. — Она угрожала мне! Я просто хотел поговорить, а она... Тварь... Матвей, ты же не оставишь это так? Пристуни свою «сестру».

Матвей наконец посмотрел на меня.

— Поговорить? — мой «сводный» брат сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Или просто вернула тебе должок за твоё длинное жало, Дэн?

— В моем мире, — мой голос был ровным, несмотря на то, что сердце колотилось в ребра, — это единственный способ выжить, когда на тебя нападает стая гиен.

Матвей вдруг усмехнулся. Это была не добрая улыбка. Это был оскал человека, который нашел новую, невероятно сложную игрушку.

— Все свободны, — бросил он через плечо, не отрывая от меня взгляда. — Шоу окончено. Эля, забери этого «инвалида» и своди в медпункт. Пусть ему проверят не шею, а наличие хребта.

— Но Матвей! — Элина задохнулась от возмущения.

— Ушли. Живо. — В его голосе лязгнул металл, и толпа мгновенно пришла в движение. Студенты начали стремительно расходиться.

Мы остались одни в пустом, звенящем коридоре. Матвей наклонился к моему уху, так близко, что я почувствовала его дыхание.

— Ты только что объявила войну самому влиятельному клану в этом крыле, — прошептал он. — Отец Дениса — не прощает синяков на горле своего сына. Завтра или даже сегодня тебя сотрут из списков студентов раньше, чем ты успеешь произнести «доброе утро».

— Читай по губам, Котовский, — я стала медленно произносить. — МНЕ ПЛЕВАТЬ! — я выдержала его взгляд. — Если кто-то еще раз откроет рот в сторону моей матери, я сделаю то же самое. В вашем мире слишком много гнили, которую даже хлоркой не вытравить. Если ты не пристунишь своих псов в том числе и свою Элю, я начну всех отстреливать. По одному.

Глава 5

Настя...

Через час меня уже вызвали в кабинет ректора. Я шла по коридору, стараясь не сбавлять шаг — будто спешила не на расправу, а на обычную пару. Пальцы всё ещё подрагивали от адреналина, но я спрятала руки в карманы и расправила плечи. В голове крутилась мантра:

«Не дай им увидеть страх. Не дай им увидеть слабость».

Дверь кабинета была приоткрыта. Из-за неё доносились возбуждённые голоса — баритон отца Дениса, высокий тембр матери Элины, всхлипы самой Элины. Я остановилась на мгновение, сделала глубокий вдох и постучала.

— Войдите! — раздался властный голос ректора.

Я вошла, не опуская головы.

За массивным столом сидел ректор — профессор Соловьев, человек с лицом из папье-маше и глазами, в которых застыла вечная усталость от капризов элиты. Но кажется не он был здесь главным. В кожаных креслах, как на тронах, расположились родители Дениса. Его мать, в костюме от Chanel цвета «испуганной нимфы», прижимала к глазам кружевной платок, хотя её тушь была в идеальном порядке. Отец, господин Верещагин, барабанил пальцами по подлокотнику. На его запястье поблескивали Patek Philippe.

Сам Денис стоял у окна с картинно наложенным на шею мягким фиксатором, хотя я знала, что не приложила и десяти процентов силы, чтобы нанести реальную травму. Увидев меня, он втянул голову в плечи, но в его взгляде вспыхнуло торжество.

— Вот она! — взвизгнула жена Верещагина, едва я переступила порог. — Эта... эта дикарка! Посмотрите на её лицо, Соловьев! В ней же нет ничего человеческого! Она чуть не лишила меня сына!

Рядом с ними сидели Элина и её родители — пара, выглядевшая так, словно сошла с обложки глянцевого журнала.

— Товарищ Соловьев, вы видите её руки? — добавила мать Элины. — У неё костяшки разбиты! Она — социально опасный элемент! Она ударила мою дочь!

— Присаживайтесь, Макаркина, — тихо сказал ректор, указывая на жесткий стул в центре комнаты.

— Я постою, — отрезала я. — Так быстрее.

— Вы посмотрите на эту дерзость! — Верещагин-старший поднялся, застегивая пуговицу пиджака. — Послушай меня, девочка. Мой сын, по твоей милости, будет госпитализирован с травмой шейного отдела. У нас есть заключения врачей, свидетельства пяти студентов и запись камер... на которых отлично виден твой «приём».

— Вот именно, у нас тоже есть заключение о побоях, — стал поддакивать отец Элины. — Она набросилась на нашу дочь в туалете! Ударил по лицу, заломила руку, угрожала изуродовать! Две другие девушки это слышали собственными ушами.

— Это ложь, — выплюнула я с такой злостью, что меня затрясло. Мой яростный взгляд прошёлся по окружающим. — Я применила приём самообороны после того, как ваш драгоценный сынок оскорбил мою мать и предложил мне стать его прислугой. А ваша «прелестная» дочурка мне сама угрожала!

— Самооборона?! — мать Дениса вскочила с места. — Вы видели, в каком состоянии мой мальчик? Он едва дышит!

— Он дышит вполне нормально! По крайней мере, ещё не через аппарат ИВЛ, — я кивнула в сторону Дениса. Этот шакал молчал, избегая моего взгляда. Его лицо всё ещё было бледным.

— Не дерзи! — рявкнул отец Дениса, резко делая небольшой шаг в мою сторону и ударил ладонью по столу. — товарищ Соловьев, я не намерен это слушать. Либо эта девица исключается сегодня до заката, либо мой фонд прекращает финансирование нового корпуса. Выбирайте. Или мои финансы... или это.

— У этой, есть имя! — не удержалась на его речь. — Настя, а для вас Анастасия Сергеевна.

От моего тона все замерли. Ректор болезненно поморщился. Он посмотрел на меня, и в его глазах я прочитала приговор.

— Настя, — мягко начал он. — Твое поведение было... недопустимым. Я вынужден подписать приказ о...

— Секунду, — дверь за моей спиной открылась без стопа. Резко. Наотмашь.

В кабинет вошел Борис Котовский, а следом побледневшая мама.

— Борис? — Верещагин-старший заметно напрягся. — Ты что здесь делаешь? Это дело касается моей семьи и этой...

— Это дело касается и моей семьи, Аркадий, — голос Бориса был ровным, как свежеложенный асфальт. — Потому что Анастасия живет в моем доме. И судя по изъятной записи у службы безопасности, твой сын, — Борис Игоревич перевёл взгляд на родителей Волковой. — и ваша дочь, нарушили как минимум три пункта устава университета об этике.

Борис молча протянул ректору планшет.

— Там полный звук, — проговорил отец Матвея, и его взгляд на мгновение встретился с моим. — Оказывается, современные системы наблюдения пишут аудио очень четко. Денис там очень много интересного и не красивого наговорил... про Жанну Васильевну в том числе. — Котовский-старший посмотрел на мою маму. — Про «горизонтальное прислуживание» и про расплату натурой.

Лицо Дениса под фиксатором начало приобретать землистый оттенок.

— Ваш Настя — маньяк, Борис! — вскрикнула мать Дениса с ледяной физиономией.

— Моя дочь защищалась от грязных оскорблений, — наконец-то возразила мама.

— Аркадий, — Борис подошел к отцу Дениса и положил руку ему на плечо. Давление этой руки, судя по тому, как Верещагин присел обратно в кресло, было эквивалентно паре тонн на квадратный метр. — Давайте мы сейчас все успокоимся. — взгляд снова мелькнул в сторону Волковых. — к вам это тоже относится. Ваши дети заберут свое заявление. А Настя... получит выговор за превышение самообороны. Мы все извинимся друг перед другом, за это небольшое недопонимание. Или мы можем довести дело до суда. С аудиозаписью. Тебе напомнить, что твоя компания сейчас проходит аудит? Лишний скандал о «золотом мальчике-нацисте» тебе сейчас очень некстати.

— Хорошо, — выдал Верещагин-старший, поднимаясь и поправляя пиджак с хладнокровной улыбкой. — Думаю, скандалы нам ни к чему. Тем более кто из нас не был молодым? Кровь горячая, в голове чёрт знает что происходит. Сегодня наши дети ругаются, а завтра уже не разлей вода. — Мужчина бросил суровый взгляд на сына, подчёркивая значимость момента. — Денис, извинись за свои слова.

Глаза Дэна округлились от такого поворота событий — в них мелькнуло недоверие, будто он не верил, что отец действительно заставляет его это сделать. Он явно хотел что-то несносное выдать из себя в мою сторону: едкое замечание, колкую фразу или хотя бы презрительный смешок. Но, поймав тяжёлый взгляд отца, передумал. Губы его скривились, он сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки, и наконец процедил сквозь зубы, не поднимая глаз:

— Извини... те.

Элина тоже недовольно закатила глаза кверху, шумно вздохнула, всем видом показывая, как ей противно идти на попятную, и с явной неохотой, сквозь стиснутые зубы, произнесла:

— Она не била меня по лицу, я это придумала! Она меня просто взбесила!

В кабинете повисла вязкая, душная тишина. Все взгляды — торжествующий у Дениса; (он явно ждал моего гордого унижения как компенсации за свой позор), презрительный у Элины, выжидающий у Бориса и умоляющий у мамы — скрестились на мне.

Ректор Соловьев прочистил горло, его голос звучал почти елеяно:

— Ну вот и славно. Маленький формальный акт взаимного примирения ради сохранения гармонии в нашем учебном заведении. Анастасия Сергеевна, мы ждем ваших слов. Всего пара предложений — и этот приказ об исключении отправится в шредер.

Верещагин-старший сложил руки на груди, его Patek Philippe тускло блеснули в свете ламп.

— Ну же, девочка. Мой сын извинился. Теперь твоя очередь показать, что ты способна к... цивилизованному диалогу.

Я посмотрела на Дениса. Он сидел в кресле, и в его глазах не было ни капли раскаяния — только расчет. Он не извинялся. Он просто выполнял команду отца, как дрессированный пес, чтобы спасти бизнес. Я посмотрела на Элину — та рассматривала свой маникюр с таким видом, будто всё происходящее ниже её достоинства.

«Если я сейчас извинюсь, — подумала я, и кулаки в карманах сжались так, что ногти вонзились в ладони, — я стану одной из них. Я признаю, что их деньги дают им право оскорблять мою мать, а моё извинение — это просто налог на право дышать с ними одним воздухом».

— Настён, — мама сделала шаг ко мне.

— Борис Игоревич помог... Не ломай всё сейчас, прошу тебя... скажи это вслух, громко, чтобы все услышали.

— Нет, — мой голос прозвучал тихо, но в этой тишине он был подобен треску ломающегося льда.

— Что ты сказала? — переспросил Верещагин-старший, прищурившись.

Я подняла голову и посмотрела прямо в глаза отцу Матвея, который стоял с непроницаемым лицом, а затем перевела взгляд на родителей этих «золотых» деток.

— Я сказала — нет. Я не буду извиняться. За что? За то, что у меня хватило смелости не дать вашему сыну вытереть об меня ноги? Или за то, что я не стала молчать, когда ваша дочь нагло врала, глядя всем в глаза?

— Настя, — Борис повернулся ко мне. В его глазах уже не было тепла — только холодный расчет игрока, который буквально только что выиграл партию. — Извинись за то, что перешла черту. Один шаг навстречу — и мы забываем об этом цирке.

— Знаете что? — выкрикнула я, и мой голос сорвался на хрип. — Можете засунуть свои извинения куда-нибудь поглубже, например в задний проходной корпус!

Я увидела, как округлились глаза ректора, как побледнела мама, а Борис Игоревич покраснел.

— Пошли вы все на три советских буквы! — бросила я, чувствуя, как слезы ярости, которые я так долго сдерживала, всё же обжигают глаза. — Все вы!

Я развернулась, толкнула тяжелую дверь так, что она с грохотом ударилась о стену, и выбежала в коридор. Ступени, лестничные пролеты, золоченые перила — всё слилось в одну смазанную линию. Я бежала мимо ошеломленных студентов, мимо охраны, мимо всей этой роскоши, которая вдруг стала мне противна до тошноты.

Глава 6

Матвей...

Я крутил в руках тяжелую зажигалку, хотя давно не курил.

Знаете, в нашем универе всё стерильно. Все знают, кому лизать руки, а кому плевать в спину, но делают это по-тихому, с вежливой улыбкой. А потом в этот аквариум с золотыми рыбками забросили пира

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.